

И.В. Балицкая, Э.Х. Лим

## Путь к пониманию Родины: развитие гражданской и этнической идентичностей сахалинских корейцев<sup>1</sup>

**Аннотация.** Цель данной статьи — исследовать процессы, механизмы и факторы формирования гражданской (российской) и этнической идентичностей разных поколений сахалинских корейцев. В работе представлен краткий исторический анализ истории проживания корейцев на Сахалине; исследованы проблемы аккультурации сахалинских корейцев-репатриантов в Республике Корея; выявлены трудности, осложняющие их интеграцию и социокультурную адаптацию (незнание литературного языка, поведенческие и ментальные отличия). В результате нарушения ожиданий единения с исторической родиной произошло осознание смешанной идентичности и ассоциация чувства родины с двумя странами. На основе анализа интервью сахалинских корейцев показано, как представители разных поколений идентифицируют себя в контексте российской и южнокорейской культур. Авторами исследованы причины формирования смешанной идентичности; показано, как переосмысливается отношение к понятию «родина» в результате репатриации и миграции.

**Ключевые слова:** этническая идентичность, гражданская (российская) идентичность, смешанная идентичность, социокультурная адаптация, репатриация, ценности.

**Авторы:** Балицкая Ирина Валериановна. Доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранного языка и страноведения, ФГБОУ ВО «Сахалинский государственный университет» (адрес: 693000 г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, д. 290). ORCID: 0000-0002-9325-9729. E-mail: balitskaya\_i@mail.ru

Лим Эльвира Хаммоковна. Кандидат педагогических наук, директор института истории, филологии и востоковедения ФГБОУ ВО «Сахалинский государственный университет» (адрес: 693000 г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, д. 290). ORCID: 0000-0002-7707-2833. E-mail: elviralim@mail.ru

**Конфликт интересов.** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

**Благодарности.** Автор выражает благодарность Дин Юлии Ивановне, кандидату исторических наук, доценту Сахалинского государственного университета за возможность изучения ее публикаций, широко освещающих проблему нашего исследования, а также всем участникам интервью и анкетирования.

**Для цитирования:** Балицкая И.В., Лим Э.Х. Путь к пониманию Родины: развитие гражданской и этнической идентичностей сахалинских корейцев // Корееведение. 2026. № 1 (14). С. 59—77. DOI: 10.48647/ICCA.2026.76.66.006.

<sup>1</sup> Статья выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России № FEFF-2024-0009 («Современные направления взаимодействия университета и этнических диаспор в социокультурном трансграничном пространстве») для ФГБОУ ВО «Сахалинский государственный университет».

*I.V. Balitskaya, E.H. Lim*

## **The path to understanding the homeland: the development of civic and ethnic identities of Sakhalin Koreans<sup>1</sup>**

**Abstract.** This article aims to explore the processes, mechanisms, and factors shaping the civic (Russian) and ethnic identities of different generations of Sakhalin Koreans. It presents a brief analysis of the history of Korean settlement on Sakhalin Island and examines issues of acculturation among Sakhalin Korean repatriates in the Republic of Korea. Difficulties that complicate their integration and sociocultural adaptation are identified, including a lack of knowledge of the literary language, as well as behavioral and mental differences. The disruption of expectations regarding unity with their historical homeland has resulted in the recognition of a mixed identity and a sense of belonging to two homelands: Russia (Sakhalin) and the Republic of Korea. An analysis of interviews demonstrates how representatives of different generations identify themselves within the context of Russian and South Korean cultures. The authors examine the causes behind the formation of a mixed identity and illustrate how attitudes toward the concept of “homeland” are being rethought as a consequence of repatriation and migration.

**Keywords:** ethnic identity, civic identity, acculturation, repatriation, mixed identity, sociocultural adaptation, values

**Authors:** Irina V. Balitskaya. Doctor of Pedagogical Sciences, professor of the Department of Foreign languages and Regional Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Sakhalin State University” (address: 693000, Yuzhno-Sakhalinsk, Lenin St. 1. 290). ORCID: 0000-0002-9325-9729.  
E-mail: balitskaya\_i@mail.ru

Elvira K. Lim. Candidate of Pedagogical Sciences, Director of the Institute of History, Philology, and Oriental Studies, Sakhalin State University (address: 693000, Yuzhno-Sakhalinsk, Lenin St. 1. 290). ORCID: 0000-0002-7707-2833.  
E-mail: elviralim@mail.ru

**Conflict of interest.** The authors declare no conflict of interests.

**Acknowledgments.** The author would like to thank Yulia Ivanovna Din, PhD in history and associate professor at Sakhalin State University, for the opportunity to review her publications, which provide extensive coverage of our research topic, as well as all interview and survey participants.

**For citations:** Balitskaya I.V., Lim E.H. Put' k ponimaniyu Rodiny: razvitie grazhdanskoj i ehtnicheskoj identichnostej sahalinskih korejcev [The path to understanding the homeland: the development of civic and ethnic identities of Sakhalin Koreans] // Koreevedenie [Koreanology]. 2026. № 1 (14). 59—77.  
DOI: 10.48647/ICCA.2026.76.66.006.

Общей характеристикой менталитета большинства сахалинских корейцев является отождествление своей этнической группы с народом Республики Корея, что в разной степени проявляется у разных поколений сахалинских корейцев. Долгое ожидание репатриации, рассказы родителей о далекой родине, их мечты о

---

<sup>1</sup> This article was prepared as part of the Russian Ministry of Education and Science's state assignment No. FEF-2024-0009 (“Modern Directions of Interaction between the University and Ethnic Diasporas in the Sociocultural Transborder Space”) for Sakhalin State University.

возвращении и страдания разлученных семей сыграли важную роль в формировании образа далекой и долгожданной родины — Кореи. Борьба за репатриацию также повлияла на сильное стремление к единству с исторической родиной и идентификации себя как части южнокорейского общества. Подобное восприятие родины передается как историческая память из поколения в поколение.

Единение сахалинских корейцев с исторической родиной, их воссоединение с семьями, репатриация послужили толчком к осмыслению ряда уникальных социокультурных явлений и вызывали живой интерес и отклик у исследователей. Работы последних базируются на изучении трудов ряда сахалинских ученых-историков (Бок Зи Коу, А.Т. Кузин, Пак Сын Ы, Ю.И. Дин и др.), посвященных истории сахалинских корейцев и затронувших вопросы гражданства, мобильности, сохранения языка и культуры. В свою очередь, эти труды основаны на детальном изучении архивных материалов и личном опыте проживания на территории Сахалинской области (большинство из них являются представителями диаспоры сахалинских корейцев). Анализ исторических аспектов проживания корейцев на территории России позволяет рассмотреть условия, при которых происходило их взаимодействие с государством. Данные труды послужили основой для изучения вопроса формирования этнической идентичности сахалинских корейцев в процессе их интеграции в принимающее общество.

## Методы исследования

Статья основана на данных, полученных в результате полевых этнографических исследований в общинах сахалинских корейцев, проживающих как в южнокорейских городах (Сеул, Инчхон, Пусан), так и на Сахалине. Полевые исследования включали опросы и интервью 30 сахалинских корейцев от первого до четвертого поколений. Были использованы следующие методы: интервью, опросы и краткое эссе на тему «Какую страну я считаю своей Родиной». Сахалинским корейцам-репатриантам было предложено заполнить анкету, состоящую из 30 вопросов, включающую задания открытого типа. Интервью проводились с респондентами, заинтересованными в дальнейшем обсуждении предложенной темы. Интервьюируемых попросили рассказать, как они ощущали себя, проживая в России и в Республике Корея. Им было предложено описать становление и особенности их этнокультурной идентичности в период жизни на Сахалине, а также рассказать об опыте жизни в Республике Корея. В ходе собеседования среди прочих были заданы следующие вопросы: а) какую страну они считают своей родиной; б) как они воспринимали себя, проживая в России; в) как они относятся к переезду в Республику Корея; г) что означает для них «быть корейцем». Кроме того, респондентов попросили объяснить своими словами, какую страну они считают своей родиной — подразумевая не место рождения или эвфемизированное понятие, а то место, которое они считают домом. Представителям четвертого поколения было предложено написать сочинение, в котором они могли бы выразить в свободной форме свои чувства по отношению к понятию «родина». Все респонденты были поделены на три группы (1, 2 и 3 и последующие поколения),

и эта категоризация используется для представления результатов исследования. Интервью были проведены на русском языке, который является родным языком сахалинских корейцев от второго до четвертого поколений. Возраст опрошенных — от 20 до 80 лет.

Эмпирическую базу исследования составили опубликованные материалы интервью с представителями корейской диаспоры Сахалина, собранные и изданные Ю.И. Дин в книге «Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграции в советское и российское общество» (2015). Данные интервью рассматривались как первичные источники, позволяющие реконструировать события прошлого.

## **Вопросы идентичности**

Вопросы множественной идентичности иммигрантов изучены в трудах ряда российских и зарубежных ученых (С.А. Арутюнов, Ю.В. Бромлей, В.А. Тишков, D. Bell, J. Cogan, R. Dericott, K. Kwan, S. Ott, T. Shibutani, TG. De Vos), которые считают, что иммигранты могут придерживаться нескольких этнических идентичностей. Под этнической идентичностью понимается сложная социальная категория, определяемая социальной/расовой динамикой, социально-экономическим статусом и геополитическим контекстом. В широком смысле этническая идентичность может трактоваться как чувство принадлежности к другим членам этнической группы, основанное на общих этнических особенностях. [Shibutani & Kwan, 1965]. Она может также пониматься часть самооценки, основанной на том, как человек определяет себя по отношению к своей этнической группе и представителем какой этнической группы он воспринимается окружающими.

Этническая идентичность развивается в контексте общих закономерностей культуры, религии, географии и языков, принадлежащих к одной и той же группе на базе сходных традиций, поведения, убеждений и ценностей [Uba, 1994, с. 89]. На групповом уровне этническая идентичность является основой внутригрупповой солидарности и коллективной мобилизации внутренних ресурсов в противовес представителям иных этнических групп [Peterson, 1980]. Конфликт этнической идентичности по отношению к доминирующей группе наиболее ярко проявляется в процессе иммиграции. [DeVos, 1980].

Существуют способы измерения уровня этнической идентичности, определяющие, в какой степени человек поддерживает солидарность с другими членами собственной этнической группы, разделяет общие ценности и модели поведения. Данное явление называется «этнической привязанностью» (ethnic attachment). В некотором смысле этническая идентичность и этническая привязанность являются двумя сторонами одной медали: чем сильнее этническая идентичность человека, тем сильнее его эмоциональная и поведенческая привязанность к своей этнической общности.

Опыт людей, чья идентичность формируется на стыке культур, характеризуют понятием «смешанная идентичность» (в зарубежных исследованиях получив-

шая название *mixed identity*), описывающим состояние принадлежности к нескольким этническим группам (Л.Р. Назимова).

Важным для понимания вопросов формирования идентичности сахалинских корейцев являются понятия «гражданская идентичность» и его форма «российская идентичность». Гражданская идентичность предполагает осознание своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства, имеющего для него значимый смысл. Российская идентичность рассматривается как конкретная форма гражданской идентичности, реализуемая в Российской Федерации. Это понятие более широкое, включающее не только юридическое гражданство, но и социокультурную интеграцию, принятие русской культуры и языка как основы межнационального общения, ощущение себя частью единой исторической общности — российской нации. Таким образом, соотношение гражданской и российской идентичности можно определить как единство формы и содержания: гражданство обеспечивает юридическую принадлежность к государству, а российская идентичность наполняет эту принадлежность реальным культурно-историческим и ценностным содержанием, делая корейскую диаспору не только частью населения, а органической составляющей российского общества.

Так как сахалинские корейцы идентифицируют себя и интерпретируют свою идентичность множеством способов. Исследование этих процессов является достаточно сложным и требует учета всех особых обстоятельств, оказывающих сильное влияние на жизнь корейской диаспоры.

## **История сахалинских корейцев**

Массово корейцев начали завозить на Сахалин в качестве подневольных работников во время Второй мировой войны. В 1905 г., после поражения России в русско-японской войне, о. Сахалин был разделен между Россией и Японией. Так как остров был богат месторождениями угля, лесными угодьями, рыбными промыслами, он представлял значительную ценность и интерес для бедной ресурсами Японии. Однако для реализации подобных экономических проектов требовалась дешевая рабочая сила, и она была найдена в Корее [Lankov, 2010]. Корейцы начали прибывать на остров в растущем количестве начиная с 1930-х годов. Сначала это была добровольная миграция, так как корейцев привлекали на Сахалин высокой заработной платой. В начале 1940-х годов все больше корейских рабочих стали привозить в качестве мобилизованной рабочей силы. К 1945 г. на острове проживало около 23 500 корейцев. В последние годы оккупации Кореи около 40 тыс. корейцев было отправлено на юг Сахалина, а затем на территорию Японии [Дин, 2015, с. 58].

На Сахалине японское правительство в отношении корейского населения проводило жесткую ассимиляционную политику. Корейцы выполняли самую опасную низкооплачиваемую работу на шахтах, в лесодобывающей, рыбопромышленной отраслях промышленности. Корейские дети посещали японские школы, где преподавание велось на японском языке и был введен запрет на использова-

ние родного языка. Детей строго наказывали за то, что они разговаривали между собой на корейском языке. Таким образом предполагалось ассимилировать корейских детей в японскую культуру. Строгие правила в японских школах очень сильно повлияли на характер корейского народа.

По итогам Второй мировой войны в 1945 г. южная часть Сахалина была возвращена Советскому Союзу. Политические обстоятельства не позволили корейцам, проживающим на Сахалине, вернуться на родину, при этом по ряду исторических и политических причин они не получили советское гражданство. Сложившаяся политическая ситуация сделала репатриацию в южную часть Корейского полуострова практически невозможной. В результате корейцы постепенно принимали правила жизни принимающего общества: «Интеграция в советское общество в тот период предполагала адаптацию к жизни элементов своей культуры, в том числе отказ от ее некоторых составляющих (например, языка) и восприятие особенностей русской культуры» [Дин, 2022, с. 305]. Принятие русских имен, обучение на русском языке в школе способствовали ассимиляции корейцев в советском обществе. «В результате корейцы вынуждены приспосабливаться к окружающим их обстоятельствам, обучаться новому языку, осваивать чуждую им культуру и стиль мышления» [Пак Сын Ы, 2019, с. 144]. Корейцы не отличаются от местных русских в таких аспектах, как использование языка, образ жизни, и в то же время они полностью поддерживают этнические предпочтения в браке, рационе питания и ритуалах.

Постсоветская социальная трансформация в 1990-е годы сняла все старые ограничения для сахалинских корейцев. Принятие большинством из них российского гражданства повлекло за собой увеличение потока переселенцев в континентальную часть страны. Рост мобильности корейского населения Сахалина был обусловлен комплексом причин, среди которых ключевую роль сыграла либерализация режима внутренней миграции и усиление экономических позиций корейцев в регионе. В этот период начинают создаваться корейские культурные центры и ассоциации, языковые курсы, кружки традиционного корейского искусства, в которых ощущалась острая потребность. Корейский язык и смежные с ним дисциплины страноведческого характера были включены в образовательные программы учебных заведений. В 1991 г. в Южно-Сахалинском государственном педагогическом институте на базе корейского и японского отделений был образован восточный факультет, где готовили учителей корейского языка и специалистов в области литературы Кореи [Бок Зи Коу, 1993, с. 160—161].

Демократизация всех сфер жизни российского общества, снятие запретов на межгосударственные контакты, возможность личных поездок за границу, а также установление дипломатических отношений позволили России и Республике Корея открыть полноценный диалог на межгосударственном уровне, в том числе и по проблемам сахалинских корейцев [Дин, 2015, с. 190]. Для корейской общины СССР последствия перестройки и установление дипломатических отношений ознаменовали начало нового этапа: советские корейцы (в том числе сахалинские) получили возможность репатриации и начали переселяться в Республику Корея.

Большинство респондентов указали, что в период проживания на Сахалине не сталкивались с серьезными материальными и социальными трудностями. Основным мотивом их переезда стало стремление вернуться на историческую родину. Среди веских причин переезда они называли следующее: «тоска по родине» и «желание быть похороненным в Корее». В интервью один из репатриантов первого поколения объяснил, в чем заключалась основная причина его решения поехать в Корею:

*«Я родился на Карафуте в 1942 г. в корейской семье. С детства я увлекался языком и культурой предков. Мои родители и бабушка рассказывали о нашей далекой родине, мечтали вернуться туда. Но их мечты не сбылись. Наши бабушка и дедушка умоляли нас не забывать нашу историческую родину. Они просили нас переехать в Южную Корею на постоянное место жительства при первой возможности. Это повлияло на мое решение переехать в Южную Корею»* (Интервью с Пак Сын Ы. Инчхон, 18.11.2018).

### **Репатриация и адаптация в южнокорейском обществе**

В конце 1990-х правительство Республики Корея совместно с организацией Красного Креста развернули программу репатриации сахалинских корейцев. После долгих переговоров, которые велись с начала 1990-х годов, трехсторонняя комиссия (Республика Корея, Япония, Россия) приступила к реализации данной программы. Япония, взяв на себя ответственность за насильственное переселение ею корейцев на Сахалин, выделила финансовые средства на программу переселения для выразивших желание вернуться в Корею. Однако участвовать в программе репатриации могли только корейцы первого поколения [Дин 2015, с. 196].

Начиная с середины 1990-х первые группы репатриантов начали прибывать в Южную Корею. Общество Красного Креста Японии и РК выделило 3 млрд 26 млн йен на строительство и оборудование дома престарелых на 100 мест в г. Инчхон и специального квартала «Кохян маыл» (Родная деревня) на 500 квартир в г. Ансане, куда после 2000 г. вселилось более 800 репатриантов с Сахалина [Пак Сын Ы, 2019, с. 95].

Репатрианты селились компактно в специально построенных кварталах в городах Сеул, Ансан, Инчхон и др. Они получили компенсации за невыплаченную заработную плату во время работы на территории японского Сахалина. Переселенцам были предоставлены частично меблированные и оборудованные всем необходимым для жизни квартиры. Также им назначались месячные выплаты в размере 700 йен и некоторые компенсации, в том числе выплата стоимости билетов на Сахалин (один или два раза в год). Комфортные условия проживания, высокий уровень медицинского обслуживания, чувство уверенности в будущем явились причиной оттока около 4200 корейцев первого поколения, которые в настоящее время проживают в 19 городах Южной Кореи [Пак Сын Ы, 2019, с. 96].

Несмотря на то, что русскоязычные корейцы возвращаются к своему родному этносу, они испытывают социальные и культурные трудности. Проблема

адаптации русскоязычных корейских иммигрантов в среде иностранной культуры была изучена корейскими учеными [Lee, 2012; Park, 2019; Yoon, 2000]. Современные исследования посвящены вопросам правового обеспечения репатриантов и анализу процессов их адаптации в принимающем обществе. Ученые Республики Корея обнаружили, что адаптация русскоязычных корейских иммигрантов представляет собой набор сложных многогранных процессов и является неоднозначным явлением. В трудах российских исследователей подчеркивается, что существующие институциональные различия, психическая и социально-практическая удаленность усложняют процесс интеграции репатриантов в принимающее общество [Соколова, 2012].

### **Осуществление мечты возвращения и проблемы интеграции: первое поколение**

Вернувшись «домой» в рамках программы репатриации, сахалинские корейцы первого поколения осознали, что их мечта осуществилась. После многих лет, прожитых на Сахалине, большинство из них называли свою новую жизнь в Корее «раем». Они осознали, что осуществили мечту своих родителей и выполнили важную миссию единения с исторической родиной: многие из них встретили своих родственников и посетили могилы предков.

*«Первая встреча с Кореей была, как глоток свежего воздуха. Мы получили двойное гражданство, пособие на проживание и медицинскую страховку. Люди относились к нам как к жертвам японских колонизаторов»* [П., мужчина, 1942, Инчхон, 18.11.2018].

Несмотря на общую удовлетворенность уровнем жизни, репатрианты, тем не менее, испытывают ряд трудностей. Основной из них они считают языковой барьер, препятствующий интеграции в сплоченное общество Республики Корея. В интервью репатрианты подтвердили, что наиболее серьезной проблемой интеграции является недостаточное знание современного литературного корейского языка, мешающее им войти в социокультурный «мейнстрим» южнокорейского общества. В советский период корейцы утратили знание родного языка, на нем говорили только в семье, к тому же диалект, на котором говорили сахалинские корейцы, сильно отличался от современного языка Южной Кореи. «По итогам переписи 1989 г., из проживающих в Сахалинской области 35,2 тыс. корейцев своим родным языком считали корейский 12, 9 тыс., или 36,6 %, тогда как в 1959 г. — 39,7 тыс., или 93,8 %» [Кузин, 2010, с. 7].

Важную проблему составляет участие репатриантов в социальной жизни страны. Многие из опрошенных отмечали, что пытаются активно в ней участвовать, общаться с местными жителями, но чаще эта деятельность ограничивается сообществом сахалинских корейцев. Респонденты указывали на отсутствие возможности устроиться на работу, поскольку получение пенсии в Республике Корея возможно при отсутствии работы, но если она есть, то это приводит к сокращению размера пособий. Одна из участниц интервью отмечает, что ей надоела

беззаботная жизнь в Южной Корее и ей хочется вернуться обратно на Сахалин, но ее мужу нравится жить в Корее и он не хочет возвращаться назад.

*«Мы живем здесь, конечно, очень хорошо. Наша квартира хорошо оборудована и в ней есть все необходимое; нам даже не нужно часто выходить на улицу. Но даже когда мы выходим, нам нечего делать. Наша жизнь на Сахалине была другой — мы работали все время! Теперь мне не нужно работать в саду ... Скучно! Я не хочу оставаться здесь, я просто думаю о том, как вернуться. Но моему мужу это нравится, и пути назад нет»* [Т., женщина, 1943, Инчхон, 18.11.2018].

Прожив некоторое время в Корее, репатрианты начали понимать, что годы, проведенные на Сахалине, оказали большое влияние на их жизнь и менталитет. Многие респонденты признались, что испытывают чувство тоски по Сахалину, с которым у них связаны все жизненные воспоминания. Некоторые в интервью упоминали, что скучают по своему привычному на Сахалине образу жизни, занятиям, отдыху. Им нравится вспоминать, как они ловили рыбу, собирали травы и ягоды, встречались с людьми из местных общин. На вопрос, чувствуют ли они тоску по своей жизни на Сахалине, большинство из них отвечали утвердительно.

*«Да, конечно. Ведь вся моя жизнь прошла на Сахалине. Наши дети и внуки остались там. Большая часть воспоминаний связана с Сахалином»* [П.И., женщина, 1943, Инчхон, 18.11.2018].

Самой болезненной проблемой для репатриантов — представителей первого поколения оказалась разлука с родственниками, оставшимися на Сахалине, невозможность часто видеть детей и внуков. С этим связаны чувства ностальгии и тоски, по этой причине репатрианты стремятся выезжать на Сахалин один или два раза в год, чтобы навестить своих родственников.

*«Мы стараемся хотя бы раз в год ездить на Сахалин: ведь мы прожили там почти 70 лет, и там живут наши дети и внуки. Сахалин — наша маленькая родина»* [Там же].

Возможность репатриации только первого поколения сахалинских корейцев обозначило еще одну проблему, которую они называли «новым разделением семей». Группа сахалинских корейцев обратилась в парламент Республики Корея с просьбой принять закон о репатриации на историческую родину других поколений сахалинских корейцев. После ряда обращений в 2020 г. были внесены поправки в закон о репатриации сахалинских корейцев, что усилило правовую основу для постоянного возвращения и обустройства в Республике Корея. В марте 2023 г. был принят Акт о содействии сахалинским корейцам (Special Act on Assistance to Sakhalin Koreans), который консолидировал и усилил предыдущие законы по репатриации. Ключевыми его положениями являются содействие сахалинским корейцам и членам их семей в постоянном возвращении в Республику Корея, поддержка их обустройства и совершенствование процесса репатриации<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Special Act on Assistance to Sakhalin Koreans. Act no. 17305, May 26, 2020. Amended by Act no. 19228, March 4, 2023. URL: [https://elaw.klri.re.kr/eng\\_mobile/viewer.do?hseq=64657&type=part&key=44](https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=64657&type=part&key=44) (accessed: 11.01.2026)

Тем не менее внесенные поправки полностью не решили всех проблем сахалинских корейцев, желающих поддерживать связи с исторической родиной.

*«Сейчас можно поехать и другим поколениям. Государство оказывает помощь по приезду, помогают устроиться, получить пособия, но есть и ограничения, наш уровень жизни в Корее должен соответствовать статусу репатрианта, иначе можно лишиться всех пособий»* [Елена Ч., 1965 г., Южно-Сахалинск, 12.12.2025].

## **Осознание смешанной идентичности**

Живя в Корее, репатрианты стараются поддерживать российскую и корейскую идентичности. Это отражается в их желании отмечать как русские, так и корейские праздники. В общинах сахалинских корейцев-репатриантов популярны клубы корейской культуры, в которых они изучают национальные корейские костюмы, учатся играть на музыкальных инструментах, петь корейские народные песни и т. д. В то же время репатриантам нравится отмечать российские государственные праздники, такие как День Победы, Новый год, Международный женский день, напоминающие им о жизни в России.

В интервью многие репатрианты отмечали, что не чувствуют себя гражданами Республики Корея из-за ментальных и поведенческих различий с южнокорейцами. В результате нарушения ожиданий чувства единения с исторической родиной возникло чувство отчужденности и тоски по привычной среде, в которой они прожили много лет. Некоторые репатрианты признали, что испытали некоторое разочарование после встречи с родственниками, поскольку ожидали совершенно иных отношений. Некоторые респонденты сказали, что им не удается поддерживать близкие отношения со своими родственниками: *«С ними сложно поддерживать отношения из-за очень разного менталитет»; «У них своя жизнь, они всегда заняты».*

*«С бабушкой мы всегда поддерживали связь, а что касается остальных, с которыми не были знакомы, по рассказам отца, — они не особо горели желанием начать с нами общаться и восстанавливать отношения* [Игорь К., мужчина, 1989, Инчхон, 10.12.2025].

В проведенных исследованиях проблем репатриации сахалинских корейцев южнокорейскими учеными отмечается, что репатрианты испытывают серьезное психологическое напряжение [Baik, 2007, p. 13]. Нередки случаи, когда дети, оставшиеся жить на Сахалине, забирают старых родителей, зная о приближении их кончины. Некоторые респонденты признавались в интервью, что они хотели бы вернуться на Сахалин, чтобы быть в окружении более близких людей и быть похороненными на Сахалине.

Многие репатрианты отметили, что они переосмыслили понятие «родина». Представители первого поколения сахалинских корейцев всю свою жизнь считали Корею своей родиной, но только после репатриации они начали ощущать, что родина — это то место, где они провели всю жизнь и где остались их дети.

*«Я чувствую себя потерянным “внуком”, который родился за границей и вернулся в семью деда. Я понимаю слово “родина” как место, куда вы всегда хотите вер-*

*нуться, где вас могут понять и принять. Но я чувствую, что жизнь в Корее — это не мое. Это похоже на раздвоение личности: мой разум — корейский, но не покидает ощущение, что я не понимаю, кто я» [П., мужчина, 1942, Инчхон, 18.11.2018].*

После истечения пятилетнего срока проживания в Южной Корее репатрианты должны решить, принять ли им гражданство Республики Корея или оставить российское. Многие из них склоняются к принятию южнокорейского гражданства, однако определенный процент репатриированных в Южную Корею решили вернуться на Сахалин из-за проблем адаптации.

## **Второе поколение**

Сахалинские корейцы второго поколения выросли с осознанием принадлежности к корейской культуре; они тщательно соблюдают корейские ритуалы и традиции и могут говорить по-корейски в повседневной жизни, несмотря на то что русский является их первым языком. Они воспитывались в закрытых сообществах и в основном общались с корейскими сверстниками. На формирование их идентичности большое влияние оказала память о семейных связях с родственниками на Юге и Севере Корейского полуострова, стремление сохранить среду корейской культуры, история и положение их этнокультурной группы в контексте российского общества, а также взаимодействие с Южной Кореей в составе сахалинской диаспоры [Lee, 2011].

Проживая за пределами исторической родины в течение всей жизни, представители второго поколения прошли различные стадии аккультурации [Berry, 2003]: от насильственного подавления этнической идентичности (период японской оккупации Сахалина) и сепарации (изолированное проживание в обособленных районах населенных пунктов) до полной интеграции в общегосударственную культуру.

В диаспоральных сообществах люди часто связывают свою идентичность с чувствами принадлежности и отчуждения как к стране своего проживания и гражданства, так и к этнической родине. Этническое самосознание зависит от того, насколько важна этническая культура в повседневной жизни, а также от возможности ее сохранения и интеграции в культуру этнического большинства. Эмоциональная связь с образом исторической родины обеспечивает набор общих идентификаций — в языке, еде, музыке, именах, — тогда как другие социальные роли становятся более абстрактными и безличными [Bell, 1975]. Необходимость адаптации для улучшения социального статуса и уровня жизни, для получения образования ведет к осознанию необходимости овладеть русским языком как основным и, как следствие, к принятию стиля поведения доминирующей группы для адаптации к советскому/российскому обществу.

Различия в жизненном опыте, равно как и такие особенности, как пол, социальный уровень и поколение, влияют на определение людьми своей идентичности. Кроме того, контуры развития идентичности со временем меняются. Таким образом, этническая идентичность не является ни статичной, ни однородной категорией. Соответственно, сахалинские корейцы по-разному интерпретируют и

определяют свою идентичность [Lee, 2011, p.71]. Мировоззрение сахалинских корейцев второго поколения, образ жизни и социальное поведение, приобретенные в СССР/России, впоследствии стали камнем преткновения при попытке интегрироваться в современное южнокорейское общество. На этническую идентификацию корейцев оказал влияние их отказ в отъезде вместе с родителями на постоянное проживание в Республику Корея.

Восприятие Республики Корея как страны благополучия формирует идентичность сахалинских корейцев и играет ключевую роль в самосознании диаспоры. Традиция подчинения родителям, типичная для конфуцианской культуры, также оказала должное влияние на формирование этнической идентичности сахалинских корейцев второго поколения. Например, один из интервьюируемых сказал, что желание его отца поехать в Южную Корею сильно повлияло на его решение покинуть Россию.

*«В любом случае, жить в Корее лучше, чем здесь! ... Мы не понимали его в то время. Мы родились здесь, а он стремился поехать в Корею, потому что это было его место рождения. Мы бы тоже поехали с ним, конечно, если бы была возможность»* [Л., мужчина, 1951, Углезаводск, 01.02.2009]. [Дин, 2015)].

Однако были и другие мнения среди корейцев второго поколения.

*«Сначала я думал, что я тоже кореец... Как туда поехал, увидел, насколько мы разные, уже не думаю так... Я вроде и кореец по национальности, но раз на настоящих корейцев не похож, значит, уже вроде как и не кореец... Я вот с братом двоюродным — он кореец — разговаривал. Он мне сказал, что вот есть у него фирма, и даже если он захочет иностранца поставить начальником отдела, другие все возмутятся и не будут подчиняться ему. Иностранцы считаются аутсайдерами, ниже корейцев.*

*«А что там делать? По своей специальности ты не устроишься никак. Поэтому нечего делать сахалинским корейцам там. Только кто в возрасте, тем можно. Добиваться ничего не нужно, доживай тихо»* [Д., мужчина, 1952, Южно-Сахалинск, 12.04.2009] [Дин, 2015, с. 219].

Плохое знание литературного корейского языка, русский менталитет и стиль поведения, отсутствие признаваемого в Корее образования и трудности в построении карьеры изменили отношение корейцев второго поколения к своей исторической родине. Кроме того, как утверждает сахалинский историк, исследователь корейской диаспоры на Сахалине Ю.И. Дин, «... сахалинские корейцы достаточно успешно смогли вписаться в новые капиталистические реалии России..., оказавшись в других социально-культурных условиях, [однако] многие сахалинские корейцы испытали разочарование и предпочли вернуться в Россию» [Дин, 2019, с. 265]. В процессе интеграции в южнокорейское общество они сталкиваются с проблемами, и на первый план выходит русская культура и российская идентичность.

*«Я здесь родилась, [у меня] семья, дети ... Я считаю, родина там, где ты живешь, правильно я говорю? Так что, я знаю, что я по национальности кореянка, да, но я здесь родилась»* [Ли И., женщина, 1965, Южно-Сахалинск, 15.06.2019] [Дин, 2015, с. 219].

Сахалинские корейцы второго поколения по-разному выражают свою идентичность. По мнению Ю. И. Дин, отношение к проявлению собственной этнической идентичности может быть выражено по-разному: некоторые из них чувствуют себя подобно корейцам, любящим своих родителей, но живущим далеко от своей родины; некоторые считают, что они русские без привязанности к какой-либо этнической группе. Часть из них воспринимают себя людьми, не имеющими четкой этнической привязанности: они родились, выросли и живут на Сахалине, соблюдают корейские и русские обычаи, говорят на двух языках, живут по российским законам и при этом их интересует все, что связано с Республикой Корея.

### Третье и последующие поколения

Сахалинские корейцы третьего поколения во многом отличаются от первого и второго поколений. Им 35—40 лет, они не учились в корейских школах и практически не знают корейский язык (за исключением немногих, кто изучал его специально): «К 1990 г. более двух третей сахалинских корейцев имели ограниченные знания или вообще не владели родным языком, в то время как их культурные традиции сохранились на острове» [Park, 2019, p. 266]. Они не испытывали проблем с получением советского/российского гражданства; они общаются равно как с русскими, так и с корейцами. В интервью представители третьего поколения замечали, что редко задумываются о своей идентичности.

*«На самом деле редко задумываюсь, кто я. Только когда я приезжаю в Корею или когда в окружении корейцев из Южной Кореи.*

*Очень редко, например когда я отвечаю на этот вопрос»* [Л., мужчина, 1977, Южно-Сахалинск, 14.08.2010].

Юлия Дин утверждает, что вследствие отсутствия внутренних конфликтов в процессе самоидентификации у корейцев не возникает более глубоких размышлений об идентичности. Практически все опрошенные представители третьего поколения, независимо от того, как их предки оказались на Сахалине, идентифицируют себя как «местные корейцы», подчеркивая тем самым их отличие от южнокорейцев.

*«Раньше я думал, кто я — русский или кореец, и решил, что я — отдельная национальность, я в первую очередь сахалинский кореец. Я не чувствую себя хангуком<sup>1</sup>. Я думаю и говорю по-русски. Менталитет и мировоззрение никогда не изменятся. Мне нравятся корейцы, но я не чувствую связи с ними. Они для меня, как японцы, американцы, — просто другая нация. Не такие, как мы, а если такие, то я не кореец* [К., мужчина, 1990, Южно-Сахалинск, 23.08, 2010], [Дин, 2015].

На этническую идентичность влияют различные жизненные обстоятельства. Этническая идентичность изменчива и не является постоянной категорией. Степень, в которой человек идентифицирует себя как члена этнической общности,

---

<sup>1</sup> Хангук (Hanguk) — слово, которым сахалинские корейцы называют жителей Южной Кореи, подчеркивая таким образом их отличие.

одинакова для всех, но различна для групп людей, живущих в разных социальных средах [Cogan and Dericott, 2000].

Когда представители третьего и четвертого поколений размышляют о концепции родины, они также связывают ее с Республикой Корея. Их образ родины связан с предками и возможностью их собственной репатриации. В своих очерках «Моя Родина» сахалинские корейцы третьего и четвертого поколений отметили, что их мысли о родине всегда связаны с образом Кореи, ее культурой и традициями.

*«Как сахалинский кореец третьего поколения, я думаю, что Корея также является моим домом. Я не различаю Южную и Северную Корею, говоря о Родине. Корея для меня — это Корейский полуостров с его древней и разнообразной культурой, которая мне дорога и интересна»* [П., мужчина, 1995 г., сентябрь 2013 г.].

Отношение к родине сахалинских корейцев третьего поколения в целом отличается от ее восприятия вторым поколением. Всех респондентов можно разделить на две группы: те, кто считает себя корейцами и готовы уехать на постоянное место жительства в Республику Корея, и те, для кого Россия и Сахалин стали единственной родиной. Мигранты, которые не смогли адаптироваться экономически и социально, понимают, что они могут жить в России более успешно. Они не ощущают себя «настоящими корейцами» и не считают необходимым преодолевать трудности и проблемы, связанные с возможным переездом в Южную Корею. Такая важная часть этнической самобытности, как определение понятий «родина» и «дом», для большинства сахалинских корейцев третьего поколения определяется прагматично:

*«Родина — это дом. Тот дом, откуда ты вышел и куда хочешь всегда вернуться. Моя Родина — Сахалин»* [Т., женщина, 1989, 14.08.10., Южно-Сахалинск] [Дин, 2015, с. 221].

Некоторые сахалинские корейцы третьего поколения делали попытки переехать в Южную Корею, но они столкнулись с еще более серьезными проблемами, включая трудности в общении и дискриминацию, а иногда неприятие местными жителями, и вернулись на Сахалин. Многие из них отмечают, что уровень владения языком также является серьезным препятствием для жизни в Корее.

*«Думая о своей принадлежности к одной из этих стран, я бы выбрал Россию. Сформированный в России менталитет часто противоречит взглядам южнокорейских граждан. Я думаю, что родина — это место, где ты родился»* [С., мужчина, 1992, 10.10.2016, Южно-Сахалинск].

Многие представители третьего поколения осознали невозможность полной интеграции и улучшения своего социально-экономического положения в Республике Корея и заявили, что не ощущают себя частью южнокорейского общества. Интересно, что, отвечая на вопрос о родине, они называют не Россию, а Сахалин. Они идентифицируют себя как сахалинских корейцев, подчеркивая их отличие от южнокорейских и корейцев материковой части России.

Отдельная группа сахалинских корейцев смогла адаптироваться в южнокорейском обществе (в основном это представители третьего поколения). Это те, кто имеет высшее образование и знает корейский или свободно говорит по-английски. Их переезд обычно связан с профессиональным продвижением или биз-

несом. Эти корейцы переехали на работу в Республику Корея, но не определились с планами своего дальнейшего пребывания в стране. Они признают, что могут вернуться в Россию или переехать в другую страну, если этого потребуют их жизненные интересы. Возможно, по этой причине они упоминают, что не хотят, чтобы их дети полностью ассимилировались в корейском обществе.

*«Как минимум хотелось, чтобы они знали русский язык и своих родственников на Сахалине»* [Игорь К., мужчина, 1989, Инчхон, 10.12.2025].

Респонденты отмечают, что для их детей предпочтительнее ходить в корейский детский сад, но для дальнейшего образования они выбрали бы международные школы. Кроме того, они отмечают, что никогда не испытывали особой тоски по дому, объясняя это тем, что из-за близкого территориального расположения они могут легко вернуться на Сахалин в любое время. Посещая Сахалин довольно часто, они не теряли связи с друзьями и родственниками. Однако в последнее время, когда прямое авиасообщение между Сахалином и Южной Кореей было нарушено, представители этой группы замечают, что испытывают потребность приезжать на Сахалин чаще.

*«Еще ни разу не выезжал. Конечно, хотелось бы чаще, раз в год на месяц хотя бы. В первую очередь хочется навестить семью и друзей»* [Игорь К., мужчина, 1989, Инчхон, 10.12.2025].

Представители этой группы имеют в Южной Корее статус легальных резидентов и, следовательно, пользуются всеми правами и преимуществами. В интервью они говорят, что вполне удовлетворены уровнем жизни в Корее:

*«У нас есть такие же льготы, как медицинское страхование и т. д., поскольку многие льготы доступны для иностранцев, которые живут в стране»* [Тен А., жен., 1982, Сеул, 20.11.2018].

Социокультурная адаптация этой группы проходит намного легче. Они хорошо осведомлены о причинах социокультурных различий, и это помогает им легко адаптироваться к жизни в принимающем обществе. Эти корейцы смотрят на отношения с местными жителями более реалистично и принимают свой новый образ жизни, пытаясь понять разные стили существования южнокорейского общества и узнать о различных традициях и истории. Такой подход позволяет им лучше осознавать свою личность, глубже понимать различия в менталитете:

*«Я всегда стараюсь понять особенности поведения местных корейцев и быть терпимым»* [Ким М., мужчина, 1979, Сеул, 21.11.2018].

*«Я постоянно общаюсь с местными. В 80 % случаев все понимаю. Не понимаю только, если [приходится] общаться на глубокие философские темы или разговариваю по телефону с автоответчиком»* [Игорь К., мужчина, 1989, Инчхон, 10.12.2025].

Представители этой группы считают принимающее сообщество достаточно дружелюбным и позитивным. В интервью они отмечали, что никогда не сталкивались с какими-либо предрассудками. Респонденты этой группы подчеркивают, что не считают себя настоящими корейцами. Один из участников интервью отметил, что местные жители обычно мало знают о сахалинских корейцах и воспринимают их как этнических корейцев из другой страны.

## Заключение и выводы

Полностью осознать свою идентичность сахалинские корейцы смогли только в результате репатриации или миграции. Согласно данным ученых, изучающих процессы социокультурной адаптации сахалинских корейцев-репатриантов, большинство из них успешно усваивают новые правила и ценности и действуют в соответствии с правилами принимающего общества, тем самым сокращая дистанцию культурных различий. С другой стороны, институциональные различия, социальная и практическая удаленность возвращающихся, ряд объективных и субъективных факторов усложняют процесс адаптации. Представители первого поколения, считавшие Корею своей родиной на протяжении всей своей жизни, легче интегрируются в принимающем обществе. Эффективный процесс аккультурации связан с наличием четких адаптационных систем, основанных на идеальном образе исторической родины, сформировавшемся в годы вынужденной эмиграции. Тем не менее они столкнулись с рядом трудностей, усложняющих их полную интеграцию и социокультурную адаптацию: незнание литературного языка, разлука с детьми и внуками. В таких условиях они начали осознавать смешанную идентичность и связывать мысли о родине с Сахалином, в результате многие пришли к пониманию того, что родина — это место, где они прожили всю свою жизнь и где остались их дети. Многие из них не пришли к четкому осознанию, какая страна в большей степени может считаться их родиной.

Второе и третье поколение сахалинских корейцев по сравнению с первым испытали больше трудностей с адаптацией после их миграции в Южную Корею. Они сталкивались с трудностями интеграции в рыночную экономику и урбанизированное общество Республики Корея. Незнание литературного языка, норм, правил и законов южнокорейского общества, культурных различий привело к тому, что сахалинские корейцы больше не воспринимают себя как «настоящие корейцы» и как часть южнокорейского общества. Некоторые из них испытывали серьезные трудности в общении с местными жителями и даже неприятием последними (местные жители считают их иностранцами).

Именно проблемы адаптации часто являются причиной возвращения на Сахалин. Российская идентичность у корейцев формировалась через глубинные культурные процессы и является доминирующей для большинства представителей этой общности.

Представители второго и третьего поколения сахалинских корейцев, проживающие в Южной Корее, обычно поддерживают российскую идентичность. Осознав практическую невозможность полной интеграции в корейское общество, они изменили свое отношение к «исторической родине», образ которой формировался на основе идеализированных рассказов людей старшего поколения. Они часто связывают понятие родины с местом своего постоянного проживания, а именно с Сахалином, и идентифицируют себя как сахалинские корейцы. Так, некоторые сахалинские ученые (Дин, 2015) говорят о появлении нового этнонима — «сахалинские корейцы».

Некоторые представители третьего поколения сахалинских корейцев успешно интегрировались в южнокорейское общество, но они не считают себя его частью и не испытывают особой привязанности ни к одной стране.

Представители четвертого поколения, проживающие на Сахалине и имеющие опыта долгого проживания в Южной Корее, называют Корею своей родиной, но при этом подразумевают некий абстрактный, идеализированный образ как воплощение их желания понять собственную этническую идентичность.

Для современных сахалинских корейцев характерно сложное соотношение разных уровней идентичностей: этнической, региональной, российской (гражданской). Восприятие родины сахалинских корейцев неоднозначно в зависимости от поколения и их опыта проживания в Республике Корея, а также способности адаптироваться и чувствовать себя комфортно в новых условиях жизни. Образ исторической родины и чувство этнической принадлежности по-прежнему сильно влияют на приверженность той или иной стране, которую они считают своей родиной. Однако сформировавшиеся привычки жизни в другой стране являются причиной смешанной идентичности, привязанности и лояльности к двум странам. Пройдя трудный путь адаптации в российском обществе, большая часть представителей сахалинской корейской диаспоры не захотела менять страну проживания, столкнувшись в Южной Корее с явными трудностями, проблемами и неясными перспективами их социально-экономической мобильности.

---

## Библиографический список

*Бок Зи Коу.* Корейцы на Сахалине. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинский государственный педагогический институт, Сахалинский центр документации новейшей истории, 1993. 222 с.

*Дин Ю.И.* Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграция в советское и российское общество. Южно-Сахалинск: ОАО «Сахалинская областная типография», 2015. 332 с.

*Дин Ю.И.* Влияние пореформенного и постреформенного периода на жизнедеятельность и миграцию сахалинских японцев и корейцев // Реформы конца XX—начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект. 2020. № 1. С. 261—267. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-poreformennogo-i-postreformennogo-perioda-na-zhiznedeyatelnost-i-migratsiyu-sahalinskih-yapontsev-i-koreytssev> (дата обращения: 10.01.2026).

*Дин Ю. И.* Интеграция сахалинских корейцев в советское общество (1940-е—1960-е годы) // Современные проблемы Корейского полуострова / Рос. акад. наук; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. М.: ИКСА РАН, 2022. С. 299—307.

*Ким Г. Н.* Материковые и сахалинские корейцы: различия и сходства // ЦЕНТР КОРЕЕВЕДЕНИЯ. 2020. С. 146.

*Кузин А.Т.* Сахалинские корейцы: из истории национальной школы (1925—2000-е гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2010. № 4. С. 3—8.

*Пак Сын Ы.* Сахалинские корейцы в поисках идентификации. Монография. М.: Перо, 2019. 324 с.

*Соколова Д.А.* Особенности процессов социокультурной адаптации русскоговорящих корейских репатриантов в Республике Корея (1998—2011 гг.) // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12 (1). С. 387—389.

*Balitskaya I., Park J.* Education and mobility of Korean diaspora in Sakhalin //International Journal of Comparative Education and Development. 2015. Vol. 17. ( 2). P. 82–96.

*Baik, Seung-min.* History of the Sakhalin Koreans //Korean Minjok Leadership Academy international program. 2007.

*Bell, D.* Ethnicity and Social Change. Ethnicity: Theory and Experience, In N.Glazer, D.P.Moynhon (Eds.), Ethnicity: theory and experience (pp. 141–176), Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 1975. P. 161.

*Cogan, J. & Dericott, R.* Citizenship for the 21st century: an International Perspective on Education (rev). London: Kogan Page Limited. 2014.

*DeVos G. A.* Ethnic adaptation and minority status //Journal of Cross-Cultural Psychology. 1980. Vol. 11. № . 1. pp. 101–124.

*Lankov, A. N.* Forgotten People: The Koreans of Sakhalin Island. 1945–1991.// Transactions: Royal Asiatic Society, 2010. 85(1), p. 13–28.

*Lee D.* Sakhalin Korean Identity & Engagement in the 21 st. Century Korean Diaspora // Unpublished Senior Thesis, Pomona College, Claremont, California. 2011.

*Ott, S.* The Organizational Culture Perspective. Chicago: The Dorsey Press. 1989.

*Park J., Balitskaya I.* Power relations and education of the Korean minority in the Japanese Karafuto and Soviet/Russian Sakhalin // Education, ethnicity and equity in the multilingual Asian context. Singapore: Springer Nature Singapore, 2019. P. 255–273.

*Park J., Balitskaya I.* Power relations and education of the Korean minority in the Japanese Karafuto and Soviet/Russian Sakhalin //Education, ethnicity and equity in the multilingual Asian context. Singapore: Springer Nature Singapore, 2019. P. 255–273.

*Shibutani T., Kwan K.M., Billigmeier R.H.* Ethnic stratification: A comparative approach. New York: Macmillan, 1965. P. 117–120.

*Uba, L.* Asian Americans: Personality Patterns, Identity, and Moral Health. New York: Guilford Press.1994.

*Yoon I. J.* Forced relocation, language use, and ethnic identity of Koreans in Central Asia // Asian and Pacific Migration Journal. 2000. Vol. 9. № 1. P. 35–64.

---

## References

*Bok Zi Kou* (1993). Koreitsy na Sakhaline [Koreans on Sakhalin] Yuzhno-Sakhalinsk.: YUSGPI – Sakhalinskii tsentr dokumentatsii i sovremennoi istorii, 1993. 222 p. (In Russian)

*Balitskaya I., Park J.* (2015) Education and mobility of Korean diaspora in Sakhalin, International Journal of Comparative Education and Development. Vol. 17. ( 2): 82–96.

*Baik, Seung-min* (2007). History of the Sakhalin Koreans. Korean Minjok Leadership Academy international program.

*Bell, D.* (1975). Ethnicity and Social Change. Ethnicity: Theory and Experience, In N.Glazer, D.P.Moynhon (Eds.), Ethnicity: theory and experience: 141–176.

*Cogan, J. & Dericott, R.* (2000). Citizenship for the 21st century: an International Perspective on Education (rev). London: Kogan Page Limited.

*De Vos, G.* (1980). Ethnic adaptation and minority status, Journal of Cross-Cultural Psychology. 11: 101–124.

*Din YU.I.* (2015). Koreiskaya diaspora Sakhalina: problema repatriatsii i integratsiya v sovetskoe i rossiiskoe obshchestvo. [Korean diaspora of Sakhalin: the problem of repatriation and integration into Soviet and Russian society] Yuzhno-Sakhalinsk: OAO "Sakhalinskaya oblastnaya tipografiya", 2015. 332 p. (In Russian)

*Din YU. I.* (2020) Vliyanie poreformennogo i postreformennogo perioda na zhiznedeatel'nost' i migratsiyu sakhalinskikh yapontsev i koreitsev [The influence of the post-reform and post-reform period on the life and migration of Sakhalin Japanese and Koreans] //Reformy kontsa XX—nachala XXI v. na postsovetskom prostranstve: regional'nyi aspekt. 2020. № 1.: 261—267. (In Russian)

*Din YU. I.* (2022) Integratsiya sakhalinskikh koreitsev v sovetskoe obshchestvo (1940-e—1960-e gody) [Integration of Sakhalin Koreans into Soviet society (1940s—1960s)], *Sovremennye problemy Koreiskogo poluostrova*, Ros. akad. nauk; In:t Kitaya i sovr. Azii RAN. M.: IKSA RAN: 299—307. (In Russian)

*Kim G. N.* Materikovskie i sahalinskie korejcy: razlichiya i shodstva [Mainland and Sakhalin Koreans: Differences and Similarities] //Centr Koreevedeniya. 2020. S. 146. (In Russian)

*Kuzin, A. T.* (2010). Sakhalinskie koreitsy: iz istorii natsional'noi shkoly (1925—2000-e gg.) [Sakhalin Koreans: From the History of the National School (1925—2000)], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*, (4): 3—8. (In Russian)

*Lankov, A.N.* (2010). Forgotten People: The Koreans of Sakhalin Island. 1945—1991. *Transactions: Royal Asiatic Society*, 85(1): 13—28.

*Lee, D.* (2011). Sakhalin Korean Identity & Engagement in the 21 st Century Korean Diaspora. Unpublished Senior Thesis, Pomona College, Claremont, California.

*Ott, S.* (1989). *The Organizational Culture Perspective*. Chicago: The Dorsey Press.

*Pak Syn Y* (2019) Y Sakhalinskie koreitsy v poiskakh identifikatsii [Sakhalin Koreans in search of identification], *Monografiya*. M.: Izdatel'stvo "Pero": 324. p.

*Park, J., Balitskaya, I.* (2019). Power relations and education of the Korean minority in the Japanese Karafuto and Soviet/Russian Sakhalin. In *Education, ethnicity and equity in the multilingual Asian context* (pp. 255—273). Singapore: Springer Nature Singapore.

*Peterson, W.* (1980). Concept of Ethnicity in Stephen Thernstorm (ed.) *Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

*Sokolova D.A.* (2012). Osobennosti protsessov sotsio-kul'turnoi adaptatsii russkogovoryaikh koreiskikh repatriantov v Respublike Koreya (1998—2011 gg.), [Features of the processes of socio-cultural adaptation of Russian-speaking Korean repatriates in the Republic of Korea (1998—2011)] *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. № 12 (1): 387—389.

*Shibutani, T., Kwan, K.* (1965). *Ethnic stratification*. New York: Macmillan.

*Uba, L.* (1994) *Asian Americans: Personality Patterns, Identity, and Moral Health*. New York: Guilford Press.

*Yoon, In-Jin* (2000). Forced Relocation, Language Use, and Ethnic Identity of Koreans. *Central Asia and Pacific Migration Journal*, 9 (1): 35—64.

---

Поступила в редакцию: 19.01.2026  
Принята к публикации: 03.03.2026

Received: 19.01.2026  
Accepted: 03.03.2026